Вадим Слуцкий
«Библия» для родителей. Том 2

Все статьи для журнала «Мой ребёнок»

Вадим Слуцкий

«Библия» для родителей. Том 2. Все статьи для журнала «Мой ребёнок»

«Издательские решения»

Слуцкий В.

«Библия» для родителей. Том 2. Все статьи для журнала «Мой ребёнок» / В. Слуцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852547-6

Книга «„Библия“ для родителей» — это сборник, составленный из статей автора, написанных для журнала «Мой ребёнок». Из более чем 150 статей в сборник вошли 127. Второй том включает в себя 63 статьи.

ISBN 978-5-44-852547-6

© Слуцкий В.
© Издательские решения

Содержание

Все статьи для журнала «Мой ребёнок». Том 2 6
Воспитание свободой 8
«В домике» 14
Фотовоспитание 18
Сюсипуси-воспитание 22
Найдик 27
Три-котаж 28
Летовоспитание 31
Наблюдая за детьми 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

«Библия» для родителей. Том 2
Все статьи для журнала «Мой ребёнок»

Вадим Слуцкий

© Вадим Слуцкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2547-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все статьи для журнала «Мой ребёнок». Том 2

Воспитание свободой (что такое «свобода» и почему она необходима в воспитании).

В домике (почему дети любят строить «домики»).

Фотовоспитание (использование фотографий в воспитании).

Сюсипуси-воспитание (о сюсюканье взрослых, о том, почему оно вредно для детей).

Звери-воспитатели (дом. животные, их роль в воспитании).

Летовоспитание (как с пользой провести лето).

Наблюдая за детьми.

Ребёнок и Бог.

«Крутяки» (почему дети бывают жестоки и агрессивны).

В поисках счастья (как помочь ребёнку стать счастливым).

О пользе луж.

Мама выходит на работу.

Как стыдить ребёнка.

Воспитание до рождения.

Эмоциональность или сдержанность.

Родители ссорятся (как ссоры родителей влияют на детей).

*Детям читают стихи (как увлечь стихами).

Маленький колдун (почему дети верят в чудеса).

Пеленать или нет?

Растём вместе (о том, что настоящее воспитание – это совместный духовный рост и ребенка, и взрослого).

Искусство дарить (как дарить подарки ребенка и учить его дарить подарки другим).

Пусть к успеху (что такое подлинный жизненный успех).

Силачи и красавицы (почему так важно, чтобы каждый мальчик считал себя силачом, а каждая девочка – красавицей).

Как помочь детям? (что значит – помогать детям: делать то, что для них трудно, за них; дать им инструкцию и проследить за исполнением; или дать возможность ребёнку найти выход самому).

Внимание: эгоизм! (почему некоторые вырастают эгоистами).

*Про «мощный одуван» (развитие речи в раннем возрасте).

Как взрослые (почему дети так любят подражать взрослым).

Тихие дети.

Мир – добрый (почему так важно, чтобы малыш верил, что мир добрый и люди тоже добрые).

Что важнее (заботиться о питании – или о воспитании).

Взрослая сила (что значит – быть сильным человеком).

Союзники (почему важно не противопоставлять себя детям).

Мамы-людоедки (почему некоторые мамы фактически не дают своим детям самостоятельно жить и развиваться).

В поисках радости (почему детям часто скучно жить, что делать, чтобы в их жизни была радость).

*Основы юмора (как научить шутить и понимать шутку).

Сотвори себе кумира (зачем детям кумиры).

Добрая глина.

Зёрнышко человечности.

Экскурсия в каменный век (в чем разница «воспитательных подходов» у нас и у первобытных людей).

Готовность к школе.

Критиковать или нет?

В стране Вообразилии (о развитии воображения).

Страшные слова (чего нельзя говорить детям).

Воспитание собой (о том, что в воспитании главное – не что мы делаем или говорим, а какие мы сами как люди).

Напополам (о том, что сила даётся матери и ребёнку как бы в определенном объёме на двоих).

Быть недоступной, или Повесть о прекрасной маме (о том, как важно выглядеть в глазах ребенка немного таинственной; не быть только кухонной работницей и служанкой).

Воспитание творчеством.

Бой часов (о стратегиях воспитания).

Согреть и отпустить (о том, как важно вовремя отпустить ребёнка от себя – в самостоятельное «плавание»).

Дети гениев (о проблемах детей успешных родителей).

Материнская любовь (почему она иногда вредит).

Что нужно детям?

Не хочу, не буду, не хочу! (о детском упрямстве)

Ты сумеешь! (о том, что ребёнка нужно убеждать в его полноценности, в том, что у него всё получится).

Живая вода (о том, что не только взрослые должны заботиться о ребенке, но и ребёнок обязательно должен заботиться о взрослых).

Читаем сами (как научить ребёнка читать).

Мама – тоже человек (как научить малыша уважать маму и считаться с ней).

Права и обязанности (какие должны быть у совсем маленького ребенка права и какие обязанности).

Искусство видеть (как развить у ребенка наблюдательность).

Чувство Родины (о воспитании любви к родине).

Полезные игрушки (какие игрушки полезны для детей).

Шаг навстречу (что делать, если ребенок и взрослые плохо понимают друг друга).

Волчата (об одиночестве современных детей и его причинах).

*Материалы о развитии речи.

Воспитание свободой

Нужна ли совсем маленькому ребенку свобода? Если да, то с какого возраста? В чем именно может проявляться свобода малыша? Что это вообще такое – «свобода» – и какую роль она играет в воспитании?

Софья – художественная натура. Она в детстве рисовала, лепила, танцевала, играла на гитаре. Но так и не закончила ни художественную, ни музыкальную школу, не смогла найти применение своим талантам и теперь (а ей уже 30) работает в ювелирном магазине продавцом. У нее дочь, Шурочка, шести лет.

Поскольку Софья сама большая любительница свободы, то и дочь воспитывала в соответствии со своими убеждениями: очень многое ей позволяла, не наказывала, не заставляла есть и спать по часам. Однако сейчас, когда уже не за горами школа, Софья привела дочь ко мне на консультацию. В чем же дело?

Оказывается, Шура не желает учиться читать, писать и считать, хотя она очень смышленая и живая девочка. Ситуация, когда нужно сидеть на одном месте и делать не то, что хочется, а то, что говорят, вызывает у нее протест: она отвлекается, не слушает, «собрать» ее внимание не удается.

Пока мы разговариваем с мамой, наблюдаю за девочкой. Она очень хорошенькая, подвижная, милая: смотреть на нее приятно. Однако ведет себя действительно не совсем обычно. Взялась было за конструктор, сразу бросила. Подошла к полке, где стоят игрушки, взяла одну, бросила (бросила – прямо под ноги, а не поставила на место), потянулась к другой, но не достала, отошла к окну, выглянула, снова вернулась к полке с игрушками. Редко у какого шестилетнего ребенка так «скачет» внимание.

Пытаюсь заговорить с Шурой: она охотно отвечает, но как-то невпопад, как будто не вполне понимает меня.

Образец нашего диалога:

– Шурочка, ты любишь, когда книги читают?

– Даа, да… А что куклы так высоко?

Это она о кукле на полке, которую никак не может достать.

– А какие книги тебе читают?

– Никакие… А дайте куклу?

– Ты же сказала, что любишь, когда читают…

– Не-ет…

Слух и сообразительность у Шуры, разумеется, в норме. Просто она не ориентирована на собеседника даже в минимальной степени: ей что-то говорят, а она занята своим и не слушает. Это раздражает маму, она одергивает дочь.

Выясняется, что все чаще и чаще мама вынуждена наказывать Шуру, даже кричать на нее. И это после «свободного воспитания» первых лет! Но раз девочке уже шесть, раз скоро в школу, приходится чего-то от нее и требовать. А Шурочка – типичная анархистка-максималистка, если не по убеждениям, то по поведению. Привыкла делать лишь то, чего ей хочется в данный момент. В результате маме приходится прибегать к строгости, порой даже излишней. Ссориться с дочерью. Возникает отчуждение в их отношениях.

И все это – плата за «свободу»? Что же теперь делать с ребенком?!

А вот другая мама, Генриетта Феликсовна. Ее сын, Стасик, готов к школе: очень даже готов. Хотя ему только пять, он уже и читает, и пишет немного, и прекрасно считает до ста. Много знает, очень разумно отвечает на вопросы. Внешне очень благообразный ребенок,

но почему-то выглядит каким-то пришибленным, хотя мама уверяет (и я ей верю), что ни разу за пять лет на него даже голос не повысила.

Проблема в другом: все, что Стасик делает, он делает по прямому указанию мамы. И он очень послушный: просто идеальный ребенок!

Из беседы с мамой выясняется, что мальчик в два с половиной года перенес воспаление легких, двустороннее, даже в больнице лежал. Именно после этого он стал таким вот послушным.

У Стасика поведение тоже оригинальное, но совершенно в ином смысле, чем у Шурочки. Он вошел, сел на стульчик, куда ему указали, и сидит. С самым убитым видом, кстати: одно плечо поднято, руки зажаты между коленей. И даже головой не вертит, хотя вокруг полно интересных вещей.

Я – ему:

– Стасик, ты почему не играешь?

Смотрит недоуменно.

– Поиграй в конструктор – или вот, смотри, машинка какая…

Но Стасик не играет: он смотрит то на конструктор, то на машинку – а потом на маму. Мама:

– Иди-иди, поиграй конструктором.

Идет. Это другое дело: четкая команда. Понятно, куда идти, зачем. Не то, что я сказал: или тем, или тем. А как же выбрать?! Это же непросто!

Спрашиваю маму:

– А вам не приходило в голову, что такое идеальное послушание – это плохо?

– Да, неоднократно… Но думаешь же не об этом.

– А о чем?

– Чтобы выучил то-то, сделал то-то, не простудился, поел вовремя – в общем, каждый раз о чем-то конкретном. Беспокоишься за ребенка: я его мать… А в результате, он теперь и не ест без меня: пока не скажешь ему: «Ешь!» – и за ложку не возьмется. С голоду умрет – но не пошевелится без приказа… Что нам теперь с ним делать?

Правда, какие контрастные дети? Если вы тоже так считаете, тогда, наверное, вас заинтересует один любопытный факт: кое-чем Шура и Стас очень похожи. Представьте себе! И тот, и другая постоянно врут. Никогда не признают свою вину, даже будучи пойманы «на месте преступления». Никогда добровольно не занимаются никакой работой. Не интересуются другими людьми, хотя бы своего возраста (хотя Шура охотно играет с детьми, но потом часто не может вспомнить, как зовут того ребенка, с которым она только что играла).

Шурочка и Стасик, хотя они еще маленькие, – уже вполне сформировавшиеся НЕСВОБОДНЫЕ ЛЮДИ. Оказывается, вседозволенность и тотальный контроль в равной мере формируют несвободного человека.

А несвободный человек никаких своих проблем не может решить сам и, что самое интересное, НЕ ПОДДАЕТСЯ ВОСПИТАНИЮ. Прежде чем начинать его воспитывать, его нужно хотя бы в какой-то мере научить быть свободным.

Представление о том, что это такое – свобода – есть у каждого из нас. Правда, не всегда это верное представление.

О свободе писали многие великие философы. Свобода – это сложный термин, и одновременно обиходное слово, которым пользуются все. Отсюда его кажущаяся доступность и понятность.

На самом деле, чтобы понять, что это слово означает, нужны все-таки некоторые интеллектуальные усилия.

Ну, например.

Дети сидят в классе. Делают то, что говорит учитель. Они в этот момент свободны? Началась перемена: дети бегают, играют – теперь они свободны?

Наверное, вам нетрудно ответить для себя на эти вроде бы простейшие вопросы. А мой ответ такой: некоторые дети свободны и когда сидят в классе на уроке, и когда бегают на перемене. Некоторые несвободны: и в классе, и на перемене.

Потому что свобода человека – это, прежде всего, его внутреннее качество, его личностная особенность.

Правильно говорят, что свободный человек и в тюрьме остается свободным. Мне, например, кажется, что Михаил Ходорковский стал еще более свободным человеком за то время, что провел в тюрьме. И так бывает.

Что же это значит – быть свободным человеком? Человек свободен тогда, когда причиной его внутренних состояний (чувств, мыслей, желаний) и его поступков является он сам. Философы называют это «самопорождением» человека.

Как это понять?

Возьмем простой пример: три разных ребенка в стандартной экспериментальной ситуации. Их по одному пускают в комнату, а там на столе – вазочка с шоколадными конфетами в красивой обертке. Импульсивная Шурочка наверняка схватит конфету. Это несвободное действие: ее потянуло – она сделала. Стимул – реакция. Как у животного. Стасик, конечно, побоится трогать конфеты: ему же не разрешали, приказа не было. Но это тоже несвободное действие. Но нетрудно представить себе и такого ребенка, который подойдет, посмотрит с интересом, пожалуй, даже возьмет, изучит картинку на фантике. Подождет взрослого, спросит: «Можно взять?» – и тогда спокойно съест. Это свободное поведение: он сам решает, что можно, чего нельзя. «Конфеты не мои, значит есть их нельзя. Но ничего же не будет страшного, если я посмотрю, что тут нарисовано, ведь интересно. А, пожалуй, и съесть одну можно, только надо все-таки спросить разрешения», – похоже, именно так рассуждает этот внутренне свободный человек.

И такие действительно есть – даже среди совсем маленьких детей.

Как видим, несвободный человек – или раб какого-то другого человека (увы, для ребенка это почти всегда мама), который все решает за него; или раб своих импульсов, своих инстинктов и желаний. Как получаются несвободные люди первого и второго типов мы уже видели на примере Стаса и Шурочки.

Нам осталось главное: выяснить, а как же воспитать свободного ребенка, свободного Человека.

Во-первых, и это очевидно, ребенку нужен опыт самостоятельных решений. При этом не обязательно, чтобы эти решения носили глобальный характер. Достаточно, чтобы ребенок постоянно решал сам, что ему надеть (футболку со слоником или с Винни-Пухом?), что есть (йогурт сливовый или банановый?) и т. п. К сожалению, большинству мам не приходит в голову, как это важно для малыша, и потому они предпочитают ни о чем не спрашивать своих чад, все решая за них: так проще и быстрее. Однако это значит лишать детей важного жизненного опыта.

Для малыша 2—3 лет от роду вопрос, что надеть на прогулку или какой йогурт купить – не мелочь. Не то, чтобы для него это само по себе было так важно, – нет. А важно для него именно то, что ОН САМ РЕШАЕТ – и мама ему доверяет.

Впрочем, не стоит пускать дело на самотек. Выясните (если ребенок уже вполне членораздельно говорит, и вы его всегда понимаете), почему он принял это, а не другое решение. Иногда можно и поспорить, но все равно – решает он. Даже если вы не согласны.

Однако – раз сам решил, то сам и отвечает за последствия. Невкусный йогурт? А кто решил купить именно этот? Ты сам и решил. Вот и ешь теперь, и чтоб без остатка!

Свобода человека невозможна без чувства ответственности за свои собственные решения, без понимания: я сделал неудачно – сам и виноват. Несвободные же люди никогда не чувствуют себя виноватыми ни в чем, не признают своих ошибок – и, как это ни странно, совершенно правы. Если взять нож и им кого-то зарезать, виновен ли этот нож????? Он же не сам это сделал! И несвободный человек всегда чувствует – и правильно чувствует – что, в сущности, это не он сделал, не он САМ, не по своему собственному решению – а потому и не отвечает. И это в каком-то смысле действительно так.

Беда в том, что человек, каким бы он ни был, все равно ответствен за соблюдение нравственных, юридических и пр. норм – пусть даже он не умеет и не хочет быть свободным и этой ответственности не признает.

К сожалению, несвободные люди всегда аморальны. Соблюдение моральных норм возможно только в том случае, когда человек внутренне свободен.

Во-вторых (и это гораздо менее очевидно), ребенку нужны четко установленные границы, законы и правила, – нужен опыт самоограничения.

Не так просто понять, почему САМООГРАНИЧЕНИЕ необходимо, чтобы научиться быть свободным. А это действительно так. Но нам поможет это понять наша дорогая Шурочка. Она стала несвободной именно из-за отсутствия каких бы то ни было ограничений.

Сейчас в России множество людей бывает в Европе. Наверное, и у вас есть такие знакомые, или вы сами ездили в какую-нибудь западную страну. И тогда, может быть, заметили: там люди очень дисциплинированные. Вроде бы они раскованны, ничего не боятся. Но нужно им выбросить что-то на улице – никто не бросает себе под ноги (как, например, часто бывает у нас, в России, где несвободных людей очень много): ищут урну. Нужно поставить машину – только в положенном месте! Эта особенность связана с внутренней свободой человека. В Европе таких людей большинство. У нас пока нет, к сожалению.

Если нет законов и правил (а в семье их устанавливаете вы и только вы, и сами же следите за их соблюдением), то неизбежен произвол. Что-то дитя не так сделало – начальница-мама прямо на месте импровизирует, накажет она или не накажет, и как именно накажет. Чего ребенку ждать, неизвестно. За одно и то же – то помилуют (а то и похвалят!), то снимут голову с плеч. А, к сожалению, человек, привыкший к полному произволу, не может стать свободным.

Конечно, отношения в семье и в обществе – две большие разницы. В семье не обязательно так уж строго придерживаться формальных правил. Но они должны быть. Ребенок должен их знать. И быть уверен: они существуют не только на словах. Их надо соблюдать!

Кстати, лучше, если этих правил будет немного: дети не запоминают большое количество правил.

Важно регулярно ставить малыша в ситуацию конфликта МОГУ, ХОЧУ и НАДО. Хочется чего-то – но пока не умею. Отсюда желание научиться. Хочется – но надо делать другое. Только важно понимать: пусть ребенок САМ выберет это «надо», предпочтя его своему «хочется». Прямо заставлять его в воспитательном смысле бесполезно. Это можно иногда делать, но это – не воспитывает.

Не всегда просто понять, что именно постоянные обязанности по отношению к другим людям, причем не навязанные, а добровольно принятые, делают человека свободным. Наоборот, беззаботность – свойство несвободного человека.

Важно поручать ребенку какую-то работу. Именно поручать – не заставлять делать. Работа, в отличие от игры, требует преодоления сиюминутных желаний – ради результата. Работа – это задача, которую надо как-то решать. Для ребенка даже такая задача: как держать тарелку, чтобы она не упала и не разбилась – трудная! И он ищет оптимальное решение – сам.

Да, не без того, что кое-что и разобьет. Но это ерунда, дело житейское, как правильно говорил Карлсон, который живет на крыше.

Важно понимать, что внутренняя свобода – результат ВЗРОСЛЕНИЯ, развития. Внутренне свободными бывают только дети тех родителей, которые поощряют их взросление, радуются ему. К сожалению, многим мамам и даже некоторым папам нравится беспомощность дитяти, нравится, что чадо крохотное, забавное. Дети таких родителей часто не хотят взрослеть, а потому не становятся свободными.

Свобода возникает как результат уважения к растущему человеку со стороны близких взрослых: уважения к его мнениям, его самостоятельности, к его растущим человеческим силам.

А еще свобода связана с решенностью основных человеческих проблем. Сильно закомплексованные люди, увы, свободными не бывают.

Например, гиперопека, тотальный контроль над ребенком (как у мамы Стаса) часто бывает результатом неосознанного комплекса неполноценности мамы. Ей нравится, что это маленькое существо полностью зависит от нее, нравится ощущать себя его полной Госпожой. Такая мама сама внутренне несвободна, а потому и своего ребенка воспитывает несвободным.

К сожалению, самим таким мамам кажется, что они действуют в интересах ребенка, а послушание они воспринимают как добродетельное, хорошее поведение.

Да, у несвободных людей (более грубо их называют «рабами»: разумеется, я говорю здесь об особой психологии человека, а не об его общественном положении) вот такое представление о «морали»: они считают, что слушаться «начальства» – морально. Независимо от того, что это начальство приказывает.

Огромное количество зла в человеческом обществе имеет своей основной причиной вот эту особенность психологии и поведения несвободных людей, которые всегда «слушаются» Начальства. Скажут им: надо уничтожить всех евреев – слушаются. Скажут: такой-то – враг народа – слушаются. Они всегда слушаются. И потому становятся живым орудием зла.

Так что воспитать свободного человека, способного вести себя независимо и противостоять злу – общественно полезное, важное дело. Более того, ничего более полезного вы никогда не сделаете для своей страны и всего мира.

Так что – не боги горшки обжигают! Воспитать свободного человека не так трудно, если вовремя начать. А начинать надо с первого года жизни крохи, с самого простого. Предложите ему две разных погремушки, две соски – пусть сам выберет, покажет пальчиком. Думаете, это невозможно? А вы попробуйте!

Итак.

Чтобы воспитать свободного человека, нужно:

постоянно ставить его в ситуацию самостоятельного выбора из двух (или трех-четырех) разных возможностей: что надеть, что съесть, куда пойти, чем играть и т.п.;

установить четкие границы и следить за их соблюдением; другими словами, в семье должны быть свои правила и законы, и кроха обязан их соблюдать – так же, впрочем, как и взрослые;

с уважением относиться к мнениям, самостоятельности ребенка уже тогда, когда он совсем еще мал; радоваться его взрослению, его растущим возможностям;

поручать малышу какую-то работу, и делать это регулярно, а не от случая к случаю, причем не заставлять, а именно поручать, просить сделать эту работу – поощряя за ее исполнение уважением и признательностью;

разобраться в себе: если у вас есть какие-то психологические комплексы, обратитесь к психологу – вам помогут преодолеть их;

хотя с несвободным человеком иметь дело в каком-то смысле легче и удобнее, никогда не обольщаться послушанием, считая его моральным поведением: на самом деле только свободное поведение морально;

помнить, что все лучшее в человеке: способность заботиться и любить, чувство собственного достоинства – основано на свободе; несвободный даже и любить по-настоящему не способен, он на всех, и даже на своих близких, смотрит только с точки зрения своей выгоды и забывает о них, когда они ему больше не нужны.

«В домике»

В некоторых подвижных детских играх (например, обычных догонялках) есть такое правило: убегающий ребенок может остановиться и закричать: «Я в домике!» Тогда его трогать нельзя, но в то же время и он не имеет права трогаться с места, а должен стоять неподвижно, пока водящий кого-то не поймает. Стоять иногда приходится долго. Играют в эту игру в том числе и совсем маленькие дети: лет четырех. Однако правило все соблюдают: стоят смирно, не двигаются. А попробуйте заставить этих непосед минутку постоять спокойно! Но «в домике» они стоят, не шевелясь. По собственной доброй воле.

Правило это, несомненно, выдумали сами дети. Существует оно с незапамятных времен. Значит, по-видимому, оно говорит о какой-то важной потребности ребенка. В тот момент, когда его уже могут поймать (что ж, что это только игра: проигрывать-то, терпеть поражение – не хочется!), он всегда может спастись «в домике»: как суслик в своей норке. И там его не достать. Правда, «в норке» тесно, не пошевелиться. Но зато ты в безопасности и можешь со стороны наблюдать за жизнью тех, кто остался «снаружи». И это очень приятно!

Психолог М. В. Осорина в ставшей уже классической книге «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» рассказывает о том, как дети и подростки любят строить «штабы». «Штаб» – это какое-то укромное место, где можно спрятаться и наблюдать за взрослой жизнью. Довольно часто «штабы» располагаются на деревьях: причем, порой это весьма громоздкие сооружения из досок и веток, так что даже трудно понять, как можно подобное построить на такой высоте без подъемного крана. Вот, значит, как для них это важно!

Между тем, в своем собственном доме, в своей квартире у маленького ребенка «домика» -то чаще всего и нет.

Родители Насти и Жени великолепно оборудовали детскую комнату. Кроме двухъярусной большой и широкой кровати, длинного письменного стола, тут еще и спортивный комплекс Скрипалева, и куча мягких игрушек, некоторые из них больше шестилетней Насти, а плюшевый мамонтенок Димка – даже и Жени, хотя ему уже восемь. Однако где-то спрятаться в комнате невозможно: с порога сразу все просматривается, нижний ярус кровати закрытый (под ним – ящик с постелью), под него не залезешь. И даже двери в эту комнату нет. Просто проход. Он даже ничем не занавешен.

Если в такое помещение поселить животное, почти любое, оно будет чувствовать себя не в своей тарелке, нервничать. Спрятаться негде, укрыться негде. Нет «домика». Нет покоя, защищенности.

А дети в чем-то похожи на животных. Впрочем, не только дети – и мы, взрослые, тоже. Но дети – в большей степени, чем мы.

Интересно, что и Женя, и особенно младшая Настя – очень подвижные, но расторможенные, невнимательные и трудно обучаемые дети. Настя еще не читает, хотя к ней ходит, и уже давно, репетитор. Женя тоже пока читает очень-очень так себе, а он уже во втором классе. Интеллект у детей в полном порядке, они только не умеют сосредотачиваться, не умеют вести себя тихо и сидеть на месте (что очень мешает в школе, разумеется), так как не видят в этом ничего хорошего. С их точки зрения приятно лазать, бегать, играть: но находиться сравнительно долго на одном месте, ничего не делая (физически не делая), – это скучно.

При этом Женя – флегматик (и довольно полный мальчик, несмотря на комплекс Скрипалева). А Настя – холерик, и она еще и нервная, импульсивная, вспыльчивая. Если что не по ней, закатывает дикие истерики. И в школе ей будет тоже очень трудно.

А вот Вале (это мальчик) родители с того времени, как он начал ходить, дали возможность иметь «домик». Это обычный картонный упаковочный ящик. Папа купил новый телевизор – а коробку от него подарил сыну, вырезав с одной стороны дыру. Получилось что-то вроде собачьей конуры.

Как Валя любит эту картонную нору! Стоит на это посмотреть. Благо, что Валины родители – мои друзья, и у меня есть такая возможность. «Домик» Вали стоит так, что, если открыть дверь в комнату, виден весь коридор. Ты всё и всех видишь – а тебя никто. Какое это огромное наслаждение для ребенка! Чувствовать себя сильнее взрослых. Они-то не видят меня – а я все вижу, все знаю!

Уже в три года Валя поражал всех, и даже меня, своей наблюдательностью. Он замечал, когда у кого-то оторвалась пуговица. Когда кто-то устал или плохо себя чувствует. Видел сразу – по лицу. Как опытный врач.

В 4—5 лет Валя мог сосредоточенно часами (!) играть в тихие игры один.

Этот мальчик не какой-то бука. Он тоже подвижный, шустрый, любит шалить. Однако он научился читать в три с половиной года почти что сам. Ему просто купили кассу букв и слогов и терпеливо отвечали на его вопросы (а это какая буква? а это как читать?) – и через три-четыре месяца обнаружили, что он читает! И, научившись читать, стал требовать: купите мне такую книгу, и такую, и такую. Разумеется, это уже знакомые ему по мультикам или каким-то рассказам книги. В 5 лет Валя читал гораздо лучше, чем Женя в 8 лет.

Случайно ли это? Вряд ли. Вале помог «домик».

Известно, что для домашних животных – даже для многих собак – в доме бывает отведен тихий угол, желательно чем-то закрытый, как-то отгороженный – где это животное может спокойно отдохнуть, и там его никто не тронет. Что-то вроде норы. В клетке хомячка или морской свинки тоже обязательно должен быть «домик».

Почему мы не понимаем, что наши дети нуждаются в таком укрытии даже в большей степени, чем морские свинки?

В значительной мере дело тут в том, что современные взрослые чрезвычайно заботливы. Это большое достоинство, кстати. Детей сейчас мало, взрослых много. Чтобы заботиться, надо видеть ребенка, знать, что с ним происходит. Вот взрослые и организуют предназначенное для детей пространство – будь то дома или в детском саду – так, чтобы ИМ, ВЗРОСЛЫМ, удобно было за детьми наблюдать, чтобы малыши всегда были У НИХ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ. При этом о потребностях самих объектов нашей неустанной заботы мы забываем. Банальная, но оттого не менее опасная, ошибка.

Ребенок, который всегда является только ОБЪЕКТОМ НАБЛЮДЕНИЯ – и никогда не оказывается в позиции НАБЛЮДАТЕЛЯ – во-первых, менее уверенный в себе. Это нетрудно понять, если представить себя в роли объекта изучения, как под микроскопом. И так большую часть суток.

Наоборот, позиция Наблюдателя: я смотрю, я изучаю, я собираю информацию о вас – укрепляет уверенность. Известно, что наблюдательные люди, как правило, лучше владеют собой, менее нервны, больше способны сосредотачиваться – а это очень важно в жизни.

Но кому придет в голову учить крошечного малыша наблюдать за взрослыми?

Впрочем, учить его как раз не нужно. Важно, чтобы он этого сам захотел, почувствовал прелесть этого занятия. Понял, что можно не двигаться, не бегать, не кричать – а все равно будет интересно!

Очень много сейчас детей, не считающихся с другими людьми, в том числе самыми близкими, поразительно невнимательных к людям (опять-таки – в том числе и самым близким). Это тоже в значительной мере следствие полной открытости пространства жизни наших малышей. **Они постоянно как на стеклышке микроскопа – а мы глядим в глазок**. Мы видим все

их промахи, недостатки – причем, значительно увеличенными, укрупненными. Они не видят в нас ничего. И нам это приятно.

Действительно, такая позиция очень приятна для человека. Он вне критики и за ним никто не наблюдает. Зато сам зорко следит за всем.

Но при этом взрослый забывает, что то же самое – наблюдать и быть вне критики – было бы еще более приятно ребенку. Именно потому, что он еще маленький, слабый, неуверенный себе. Именно потому, что он ребенок.

И самое интересное, что это, как мы видели, еще и полезно.

«Домик» помогает малышу сделать сразу несколько очень важных открытий.

Во-первых, открыть внутреннюю активность. При полной внешней пассивности. Это, кстати, и есть ситуация школьного урока. Ругать школу нет смысла: она такая, какая есть. Так вот, в школе преуспевают дети, умеющие быть внутренне активными при абсолютной физической пассивности. И, наоборот, не умеющие этого – всегда учатся плохо, потому что для них сама такая ситуация психологически невыносима.

Наблюдать, считывать зрительную и слуховую информацию, думать, делать выводы ребенок должен научиться до школы. Потому что, как ни странно, – несмотря на то, что все школьное обучение строится именно на этом – в школе этому не учат! И получается: все зависит от того, каким ребенок придет в школу. А когда пришел, уже поздно: основы личности заложены, а в школе тоже никаких «домиков» нет – все прилюдно, все на виду. И человек уже вообще не испытывает потребности в одиночестве. Он уже даже не умеет быть один.

Неумение быть наедине с самим собой – одно из самых страшных человеческих качеств. Да, да: именно страшных. И очень опасных для самого человека.

Такие люди не умеют рефлексировать, не учатся на своих ошибках, не в состоянии измениться даже в мелочах.

Умение быть наедине с собой и потребность в одиночестве – важнейшие качества человека. Однако их надо воспитать.

Конечно, не только «домиком» они воспитываются. Но это очень эффективный и простой способ. Просто игра. Просто уговор: когда малыш «в домике», его нельзя трогать. Это его неприкосновенная территория, где он защищен от всех, даже от папы и мамы. Захочет – выйдет. Все зависит от него самого.

Что-то должно быть даже у крошечного ребенка такое, что зависит только от него самого. Если этого нет, это плохо.

Сосредоточенность. Тоже важнейшее качество человека. И его тоже нужно воспитать. Неумение сосредотачиваться, концентрироваться на чем-то одном на протяжении длительного времени создает огромные проблемы и в жизни, и в учебе. Такой человек может быть очень умным и талантливым, но обычно ничего не достигает, распыляя на мелочи и свой ум, и свой талант.

«Домик» учит и сосредоточенности. И нам даже не нужно ничего делать, это происходит само собой.

Наконец, это само-психотерапия. Малыш испугался, что-то случилось: он прячется «в домик». Опять-таки вспомним: так поступают и животные. Отсидеться, забиться туда, где тебя никто не видит. А мы разве никогда не испытываем такой потребности?

Ребенок – не букашка под микроскопом. Ему нужно, необходимо иногда уйти от всех, спрятаться, стать незаметным. Такая потребность есть и у любого нормального взрослого, но у детей она сильнее, чем у нас. И хорошо, когда есть возможность ее совершенно легальным и законным образом удовлетворить, притом не где-то, а именно у себя дома (а где еще совсем маленький ребенок мог бы такую потребность удовлетворить?).

Кстати, о своих наблюдениях малыш может с обезоруживающей детской откровенностью вам сообщить, и эти наблюдения могут оказаться не совсем лестными для вас. В этом случае

не следует кроху ругать. То, что он что-то заметил, проявил к вам внимание – это хорошо. Примите к сведению то, что вам сообщат. Это может быть даже полезно для вас.

Дети иногда действительно видят то, чего мы не в состоянии заметить. Хотя бы потому, что у них – из-за небольшого роста – другой ракурс, другая позиция (снизу, словно из подполья). А другой взгляд на привычные вещи всегда интересен и полезен. И вам самим станет интересно, а ваш интерес еще дополнительно поощрит ребенка.

Можно, кстати, и самим поиграть вместе с малышом. Если «домик» достаточно большой, кроха охотно пустит и вас туда, если попросите.

Между прочим, не обязательно, чтобы «домик» действительно был чем-то вроде домика (как у Вали: картонной коробкой – или чем-то подобным). В игровом правиле, о котором я рассказал в начале этой статьи, не предполагается никакой материальный «домик»: остановиться «в домике» можно где угодно, на совершенно открытом месте. То есть «домиком» может считаться просто угол в комнате, просто стул (или пространство под ним). Но лучше, если это все-таки будет защищенное, закрытое место.

Домик не обязательно должен быть «стационарным». Можно разрешить малышу накрывать пледом тот же стул (стол?) и прятаться под ним. И это будет «домик». Разборный. Снял плед – нет домика. Накинул – есть.

И еще здесь есть важный момент: уважение к ребенку. Признание за ним права на одиночество, скрытность и защищенность. То есть – на себя. На что-то ТОЛЬКО СВОЕ. Это тоже очень важно для личностного развития малыша.

Итак.

Если вы хотите, чтобы ваш кроха рос человеком внимательным, наблюдательным, умеющим сосредотачиваться, способным на внутреннюю активность при полной внешней пассивности, притом достаточно уравновешенным и уверенным в себе,

отведите ему в его (или общей) комнате какое-то такое место, куда он мог бы, когда захочет, укрыться, спрятаться от всех – как зверь в нору;

такое укрытие – «домик» – нужно малышу сразу, как только он научился ходить; если даже он пока не захочет им воспользоваться, все-таки лучше, чтобы такая возможность у него уже была;

в отношении «домика» должно неукоснительно соблюдаться правило «экстерриториальности»: если малыш находится там и не хочет выходить, извлечь его оттуда никто не имеет права, даже если обитатель домика серьезно провинился;

то, что переживает малыш, находясь «в домике», то, что он оттуда увидел, должно быть интересно его близким взрослым;

пусть «домик» будет таким, каким хочет его видеть малыш: даже если это старая картонная коробка, не очень красящая интерьер; нора волка или берлога медведя – извините за такое сравнение – тоже бывают не совсем эстетичны, однако им они нужны именно такими. Главным в этом отношении должно быть мнение ребенка – а не ваше мнение.

Фотовоспитание

Когда ребенок родился, все нормальные родители покупают фотоаппарат. Это такое огромное событие, такое чудо – свой ребенок! Первые два-три года жизни малыш – как фотомодель. Его снимают чаще, чем Бритни Спирс. Снимки рассылаются близким и друзьям, которые страшно восторгаются, но, конечно, не могут отличить этого ребенка от других детей того же возраста.

Потом новость перестает быть новостью, малыш растет, его уже фотографируют только на праздничных утренниках в детском саду и на Новый год, под елочкой. А потом об этих снимках и о фотоаппарате и вовсе забывают.

Лишь немногим из нас приходит в голову, что фотография – это удивительное искусство, способное сыграть очень значительную роль в воспитании и развитии малыша. И чтобы использовать ее потенциал, не нужно становиться профессиональными фотохудожниками, чему-то учиться. Нужно просто организовать общение крохи с фотоизображениями совсем не так, как мы это обычно делаем.

Впрочем, обычно мы и вовсе никак не организуем общение маленьких деток со снимками, на которых изображены они сами, да и со всякими другими. Фотографии – они для нас, взрослых. А что в них понимает такая кроха?

На самом же деле почти любой ребенок от 2—3 лет и старше способен рассматривать фотографии с большим интересом. Интерес этот объясняется многими причинами.

Как известно, фотография «останавливает мгновение». В этом ее самая сильная сторона, ее магия. Лицо человека можно рассматривать часами. А жизнь – это непрерывный поток быстро сменяющих друг друга состояний, событий, «кадров»: что-то текучее, в чем непросто разобраться даже нам, взрослым.

У детей же восприятие вообще иное, чем у нас. Более медленное – и более примитивное, грубое. Ребенок замечает только самое крупное и яркое – а вовсе не самое главное, существенное. Это связано с неумением видеть.

Как это ни странно, смотреть – еще не значит что-то видеть. Видеть нужно уметь. У профессиональных фотографов есть даже такое словечко – «видение»: по их мнению, это то основное, что отличает хорошего фотографа от плохого. Хороший фотограф что-то такое видит, замечает, чего не видит, не замечает большинство людей. И показывает это в своих снимках.

Но не только фотографам нужно уметь видеть. Мы, люди, – визуалы: большую часть информации получаем с помощью глаз. Однако не умеющий видеть человек считывает с лиц других людей, интерьеров, пейзажей лишь незначительную часть той информации, которую они содержат. Он действительно как слепой.

Приведу очень простой пример. Однажды я повесил в своем кабинете, над столом, большую фотографию, изображавшую замок, стоящий на берегу пруда, в воде которого он зеркально отражался. Получилось два замка: верхний и нижний, только нижний – вверх ногами. Оба изображения одинаково четкие: в этом изюминка снимка.

Так вот, большинство моих посетителей (а это родители, пришедшие ко мне на консультацию), когда я обращал их внимание на этот снимок, спрашивали:

А это какая РЕКА? – или:

А что это за ОЗЕРО?

Хотя ни в озере, ни тем более в реке вода не может быть настолько идеально гладкой, чтобы ТАК отражать. Мало кто смотрел настолько внимательно, чтобы понять, что это пруд. А ведь это совсем просто.

К сожалению, так мы смотрим почти всегда: в том числе и на своих близких. Смотрим – но не видим.

В каком-то смысле почти все мы – как малые дети. Вот так и малыши: они видят только кое-что, самое крупное и яркое, бросающееся в глаза. Динамично же сменяющие друг друга изображения (как в жизни или как в фильме) вообще детьми не воспринимаются.

Попробуйте попросить 4—5-летнего ребенка описать один кадр только что закончившегося мультика. Вряд ли он сможет хоть что-то вспомнить.

Впрочем, создатели современных мультфильмов – как и всякие коммерсанты – ориентируются на особенности потребителя: там, собственно, и нечего помнить, нечего рассматривать. Весь интерес – в сюжете, как правило, очень примитивном, но остром, приключенческом. Герои – яркие, необычные, но тоже примитивные: две-три внешних черты (как у Гарри Поттера: челочка, очки), два-три простых качества характера (смелый или трус, добрый или злой) – чтобы не утомлять зрителя.

Если малыш только смотрит мультики и «просто живет» (а просто жизнь – это тоже такой фильм: непрерывная череда быстро меняющихся картинок), то он, скорей всего, не научится видеть никогда. Чтобы этому научиться, ему нужны статичные изображения. Причем, такие, которые ему интересны.

Малышам интересно рассматривать снимки, изображающие их самих с мамой и (или) папой. Часто можно видеть, что лицезрение таких фотографией доставляет крохе какое-то странное удовольствие. Дело в том, что фотография, где малыш изображен со взрослыми, с его точки зрения подчеркивает, утверждает, что ОН ЕСТЬ, что он ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЕТ: занимает в мире какое-то место и играет какую-то роль.

Так как дети не очень-то в этом уверены, для них важно регулярно убеждать себя в том, что это так на самом деле.

Рассматривать такие снимки для малыша значит – самоутверждаться. Поэтому ему это приятно, независимо от качества самих снимков.

Правда, тут есть важный момент. Как я уже сказал, важно снимать малыша ВМЕСТЕ СО ВЗРОСЛЫМИ. Причем, в разных ситуациях: дома, на прогулке, во время игры. Если на всех снимках только сам ребенок, то, разумеется, их ему самому лучше не показывать: зачем убеждать его, что он – Центр Вселенной? Дети и так склонны к подобному «мировоззрению», незачем их еще портить.

Если на большинстве снимков кроха со взрослыми, то может быть и какое-то количество – с ним одним. Но опять же – в разных ситуациях, в разных местах.

Рассматривать такие кадры – значит развивать свою память. А вот на прошлой неделе мы были в парке – помнишь? А эти рукавички ты давно не надевал, да?

Еще это развивает чувство времени, ощущение жизни как постоянных изменений. Которого у маленьких детей нет. Они воспринимают жизнь как нечто неизменное, застывшее, а изменений могут даже бояться. Постоянно рассматривая фотографии, малыш свыкается с мыслью, что жизнь – это изменения: это не может быть иначе, и это хорошо, интересно.

Рассматривая снимки, вы можете обратить внимание крохи на черты лиц, их выражения – на какие-то детали. Именно так и можно научить ВИДЕТЬ.

Разумеется, не стоит ограничиваться только последними снимками. Можно смотреть семейный альбом. Крохе будет очень интересно увидеть маму, папу и даже бабушку и дедушку – маленькими, как он сам. Одно дело сказать: мы были тоже такого роста, как ты. Другое дело – увидеть своими глазами.

На самом деле маленькие дети, если им не помочь, не могут себе представить, что их мамы не всегда были мамами, что они существуют на Земле не персонально для них. Понять, что родители, вообще близкие взрослые БЫЛИ ДРУГИМИ и живут НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ МЕНЯ –

всякому малышу непросто. В то же время это важный момент взросления. И этому тоже помогают фотографии.

Хорошо, если некоторые снимки постоянно висят в комнате на стене или стоят на столе (на полках?). Тогда изображенные на них люди как бы постоянно присутствуют в жизни малыша.

Одна маленькая девочка рассказывала мне, что в детстве она никогда не воровала конфет и печений, хотя ей этого очень хотелось, потому что рядом с буфетом висела фотография бабушки (уже умершей), и бабушка всегда смотрела прямо на нее, и ей было стыдно, что бабушка увидит, как она берет конфету без спросу!

Дети ведь плохо отличают живое от неживого: для них изображение человека – почти то же, что живой человек.

Если ребенок постоянно видит перед собой лица своих предков, он чувствует себя звеном в цепи поколений, ощущает себя частью Семьи, а это очень важно для формирования психологической устойчивости, чувства собственного достоинства, чести.

Если вы запечатлели важные, радостные моменты в жизни малыша и, опять-таки, повесили такие снимки на стену в его комнате, то это будет укреплять его положительное восприятие жизни и себя: он все время будет вспоминать себя в лучшие, самые счастливые моменты своей жизни. Кстати, такая фото-психотерапия уместна и в отношении взрослых (например, склонных к депрессиям). Часто ведь пережить тяжелые моменты жизни нам помогают светлые воспоминания, а фотография – это как бы материализованное воспоминание.

Очень важно и дать право самому ребенку снимать вас и вообще все, что он захочет. Тогда он начинает внимательно рассматривать получившиеся изображения: ведь это он САМ СДЕЛАЛ! Снимать же современными портативными камерами (т.н. «мыльницами») может действительно любой малый ребенок. Учить ребенка снимать – за исключением каких-то элементарных указаний (как брать кадр, глядя на дисплей; куда нажимать, чтобы получился снимок) – не нужно: пусть снимают, как хотят.

Не стоит держать снимки только в компьютере. Маленьким детям не рекомендуется больше 20 мин. в день смотреть на экран монитора. Лучше – бумажный отпечаток. Заведите альбомы; пусть они лежат открыто, чтобы их можно было смотреть когда угодно.

И еще. Доказано, что человек может уставать, рассматривая цветные фотографии, если их много. А черно-белые снимки значительно меньше утомляют. Информативно они ничем не хуже, а пестроты, которую создает цвет, в них нет.

Большинство известных фотохудожников (например, Анри Картье-Брессон) предпочитали черно-белую фотографию цветной. Всякое искусство основано на строгом отборе деталей. В цветном снимке всегда очень много несущественных и ярких деталей. Цвет, как правило, малоинформативен. Наоборот, черно-белый отпечаток благодаря своей аскетичности выявляет самое главное в лице человека.

Поэтому лучше, если большинство снимков в ваших альбомах будут черно-белыми.

Известный театральный режиссер Питер Брук в своей книге о театре рассказывает об индейцах, которые делали своим детям игрушки на колесиках, но этим людям не приходило в голову сделать большие колеса, чтобы на них ездить. Питер Брук говорит, что и к театру многие относятся так же – как к игрушке, развлечению, не подозревая, что это искусство можно использовать с гораздо более серьезными целями.

То же самое можно сказать о фотографии. Она может быть только «конфеткой», необязательной приправой к нашей жизни – а может и играть в ней очень серьезную роль.

Замечательный педагог Татьяна Викторовна Бабушкина (из книги которой я взял большинство идей этой статьи) пишет, что, если бы у нее в квартире случился пожар, она прежде всего бросилась бы спасать свои альбомы с фотографиями. Вот и так можно относиться к фото-

графиям. Они – материальные знаки важнейших событий и переживаний нашей жизни. Их можно любить и ценить больше всех других вещей.

Можно сказать так: фотографии могут стать самыми живыми вещами в нашем доме. Если мы этого сами захотим!

Итак.

Если вы хотите, чтобы фотографии помогали вашему малышу расти и развиваться:

некоторые снимки ваших близких (и живых, и уже умерших) поместите на стенах, чтобы кроха постоянно их видел; здорово, если там будут и ваши фото в детстве и юности;

регулярно рассматривайте альбомы фотографий вместе с ребенком, не слишком торопясь при этом: обращайте внимание малыша на какие-то детали снимков, чтобы он научился их видеть и почувствовал, что вам тоже интересно рассматривать фотографии;

дайте возможность крохе самому снимать вас и все, что он захочет; печатайте лучшие из этих снимков и рассматривайте вместе с ним;

предпочитайте черно-белые фотографии цветным;

поместите в комнате ребенка три-четыре снимка, где изображен он сам в радостные моменты своей жизни (радостные – с его точки зрения: это может быть игра или прогулка): лучше, если эти снимки будут достаточно большими и висеть на видном месте;

относитесь к фотографиям как к большой ценности, заражая этим отношением кроху.

Сюсипуси-воспитание

Начну с небольшого фрагмента из моей переписки с Катериной Гарелиной. Она постоянный автор журнала «Мой ребенок»; ее сыну, Ване, сейчас 2 года и 5 месяцев. Вот что она пишет:

«Недавно пришла к нам в гости моя двоюродная сестра, работавшая няней в одной немецкой семье, и ребенку там было столько же, сколько и Ване.

– Привет, малыш! Сю-си-пуси, а ты покажешь мне свои игрушки?

Вадим Ильич, было неудобно, но я еле сдерживала улыбку, потому что Ванька смотрел на неё, мягко говоря, странно, особенно, когда она говорила этим сладким языком с ним. Провел её в комнату.

– Ванюша, а что это – «бибика»?

Ваня:

– Нет, это МАШИНА! Пойдем, я тебе энциклопедию покажу!

Я – с улыбкой:

*– Да, Вань, покажи лучше тете, как у нас скелет устроен! (**энциклопедия – анатомическая*)*

– Полина, – говорю ей, – не надо с ним, как с несмышленышем, он даже обижается, когда мы его маленьким считаем!»

Согласитесь, поведение тети Полины очень стандартное, а вот Ваня, по мнению большинства взрослых, особенно – женщин, – какой-то странный ребенок.

На самом деле все наоборот: Ваня – совершенно нормальный ребенок (хотя и нельзя сказать, что обычный: он необычный нормальный ребенок), а вот Полина ведет себя ненормально, но вполне обычно.

Не так часто можно видеть, чтобы взрослые – особенно женщины – разговаривали с малышами 2—3 лет обычным тоном, пользуясь обычной лексикой. Как правило, с детьми говорят на особом «детском» жаргоне. Маленький ребенок на этом языке (к слову, чем-то неуловимо напоминающем языки примитивных народов) называется «Сю-си-пуси», «пупуся», «манюся», «зайка» и т. п. Собака называется «ава». Автомобиль – «бибика». Медведь – «топтуся». Кошка – «мяука». Овца – «бебека». Кошка – «киса». И т.д., и т. п.

Нельзя сказать, что взрослые используют много таких «запупусенных» словечек, но много и не нужно. Такому словарю, несомненно, могла бы позавидовать даже Эллочка-людоедка, воспетая Ильфом и Петровым в романе «Двенадцать стульев», которая, как известно, обходилась 30 словами.

Разумеется, такой богатый словарный запас не позволяет высказывать какие-либо мысли, но, к счастью, в этом и нет необходимости, так как «пупусецька» настолько несмышленая, что все равно не способна эти умные взрослые мысли понять.

Важно также говорить особым голосом. Желательно почаще тренироваться, чтобы поставить у себя такой голос. Можно записаться на актерские курсы – или просто почаще «беседовать» с разными «пупусецьками» и «манюсецьками».

Голос такой изготавливается по следующему рецепту (не забудьте себе переписать!):

10 частей сахарного песку,

20 частей патоки первосортной,

5 частей корицы,

5 частей изюму,

Немного ванили.

И больше ничего не нужно. Все ингредиенты тщательно перемешать. Съесть. После чего сразу же приступать к общению с «пупусецькой».

Если не верите, напишите письмо Наталье Безъязыковой, специалисту по диетпитанию: она подтвердит, что рецепт идеально точный.

Многие данной рекомендации успешно следуют. Вот, например, что увидела и услышала Катерина Гарелина в детском саду, куда ходит ее Ваня:

Мама в раздевалке – с сыном: «Солнышко, ты мой СЛАДКИЙ, сейчас мамочка тебе сандальки наденет и побежишь с детишками играть. Ты любишь мамочку? А ну – поцелуй меня!» – или: «Глебушка, бибичку (вот ещё одно „определение“ машины) с собой возьмешь?»

Или вот ещё один интересный эпизод из раздевалки: мамочка уже битых минут 10—15 пытается одеть свою дочку, которая никак не хочет уходить из сада, и, с надутыми щечками, пытается от неё улизнуть: «Доченька, давай домой собираться! Ну почему, моя зайка, от мамы убегаешь, а мама сейчас ЗАПЛАЧЕТ и УЙДЕТ!»

Получается, что сама мамочка таким образом ведет себя, как ребенок, которого обидели! Но самое интересное, что мама вдруг села на лавочку, на которой одевают малышей, закрыла руками лицо… и начала изображать рыдания! Я даже Ваньке забыла помочь переодеться, созерцая это зрелище. А посмотреть и правда было на что! Думаете, малышка «пожалела» маму? Если честно, мне как-то её тоже было не очень жаль, скорее, жалко выглядела она сама в глазах других – и собственной дочери. Все, ситуация окончательно вышла из-под контроля: мама «плачет», а дочка как не думала собираться домой, так и не думает (стоит за шкафчиком и смотрит на безутешную маму внимательно). «Так, все, Ника, я собираюсь и УХОЖУ!» – встает она с лавочки.

Вот ещё один совершенно бессмысленный «прием»: мама, да и девочка, прекрасно понимают, что она НИКУДА не уйдет! Смысл тогда всей этой трагедии»? Точнее, фарса! Кто был «главный» в этой ситуации? Ну уж точно не МАМА! Скорее, эта маленькая

«зайка», которая изрядно потрепала ей нервы. Ну разве можно воспринимать всерьез того, кто ведет себя так же, как и твой приятель по садику: обижается, плачет,«уходит», осталось только маме сказать: «Я больше не буду с тобой водиться!»

Итак, мы уже знаем, как полагается разговаривать с детками (извините – с детусеньками!). Но еще не знаем – почему. Действительно, почему ИМЕННО ТАК – сюсюкая – по мнению большинства взрослых, нужно общаться с малышами?

Боюсь, никаких рациональных оснований под такую «педагогическую практику» нам подвести не удастся. Спрашивать сюсюкающих взрослых, чего это они сюсюкают, тоже бесполезно: они этого сами не знают. Элементарное наблюдение за «Мамочками-людоедками» позволяет сделать только один несомненный вывод: ИМ это явно ПРИЯТНО. Какое-то удовольствие доставляет.

Интересно – почему?

Рискну предложить такое объяснение: потому что они сами пока не стали взрослыми в полном смысле этого слова. Психологически взрослыми. Им нравится играть роль малышей (а именно это они делают, хотя и сами того не сознавая) и обращаться с детьми, как с куклами. Это легко, предсказуемо и приятно. Куклой можно манипулировать, как хочется, потому что она неживая. Она не думает, не чувствует – это удобно.

Одновременно таким тоном Взрослое-Дитя подчеркивает свое преимущество: вот какой я большой – а вот какой ты ма-аленький, кро-охотный, микроскопический! И это тоже приятно.

Разумеется, дети воспринимают посылаемые им Старшими сигналы – и действительно становятся «пупусецьками»: забавными двуногими зверушками, чье предназначение – развлекать Старших своим смешным поведением и потешными словечками. Такая роль деткам тоже нравится, потому что это легко и приятно. И награждается вниманием и улыбками взрослых.

Так что все довольны: и режиссеры, и актеры, и зрители (обычно, наблюдая сцены, подобные описанной выше, мы считаем своим долгом умиленно улыбаться: так полагается).

Ну а что же Ваня? Что это за монстр, что это за чудовище двух с половиной лет?! Чем объяснить его извращенную реакцию на «нормальное» сюсюканье взрослого человека?

Вот что пишет Катерина:

«Мы сами этому способствовали, относясь к сыну как к Человеку, не как к Взрослому, а именно как к Человеку. Я даже сюсюкать не могу с ним, и никогда этого не делала вообще, может, это и неправильно, но я никогда не разговаривала с ним этим «детским» голоском, которым обычно мамочки общаются со своими детками. Ну не умею я этого просто! Ване никогда не говорила, что это «бибика» или «ава», или как там еще машины и собак называют? Мы с ним общаемся, как со всеми людьми».

Как видите, ларчик просто открывается. С точки зрения Вани – как и всякого ребенка – нормативно поведение его родителей, а явно непохожее на привычное ему обращение – в данном случае, сюсюканье тети Полины – он воспринимает с недоумением. Как если бы он был взрослым, а к нему обратились как к двухлетнему ребенку.

На первый взгляд, сюсюканье – невинная забава инфантильных или просто глупых взрослых дядечек и тетечек. В общем, безобидная дурость. Однако это не так. Педагогический вред сюсюканьем наносится огромный.

Прежде всего, нужно понимать, что активная сторона в воспитании – это всегда ТОТ, КОГО ВОСПИТЫВАЮТ. Даже если ему года полтора. Иначе просто не может развиваться человек. А сюсюканье угашает стремление к взрослению.

Зачем становиться взрослым: за что-то отвечать, что-то решать самостоятельно, о ком-то заботиться? Это же трудно. А можно отлично жить, в свое полное удовольствие, без всяких усилий, без труда – как беззаботное дитя или как балованное домашнее животное. Это же так приятно!

Тот же эффект мы получим, если позволим ребенку, когда ему хочется, есть конфеты и печенье. Такой малыш будет хилым, болезненным, потому что нормальную здоровую пищу в него придется впихивать насильно: он ее есть не захочет.

Всем: и людям, и жвотным – нравится потреблять заботу и внимание. Однако только потребление чьего-то внимания и заботы развращает незрелого человека.

Сюсюкающий взрослый, сам того не подозревая, «кормит» ребенка «психологическим допингом», наркотиком. «Подсев» на который, малыш уже не хочет выполнять правила, трудиться, думать о других людях – потому что он получает достаточное удовлетворение, исполняя легкую и приятную роль Забавной Домашней Игрушки. Вроде котенка.

Конечно, ни одна мама специально не стремится принести своему малышу вред. Но тем не менее приносит.

«Сон разума рождает чудовищ», – сказал Франсиско Гойя. Сюсюканье – характернейший пример бездумного, какого-то животного поведения взрослых людей, разум которых в такие моменты словно выключается. И порождают они действительно чудовищ.

Чтобы хорошенько понять, каковы последствия такого «воспитания», я вынужден рассказать о ребенке – а, вернее, даже уже не ребенке, подростке – такого возраста, о каком в журнале «Мой ребенок» писать не полагается. Но в данном случае иначе нельзя.

Арику уже 16 лет. Это очень способный и умный мальчик, но учится он так себе, потому что не любит и не умеет систематически трудиться. Все его время поглощают разные увлечения, которых у него десятки. Он ходит одновременно в несколько кружков, но нигде никогда надолго не задерживается.

Арик симпатичный и приятен в общении – но только до тех пор, пока от него ничего не требуют, ничего не ждут. Как-то его лучший друг Миша, заболев, попросил Арика принести ему домашнее задание по математике. Миша живет через дорогу от Арика и в двух минутах

ходьбы от их школы. Арик задания не принес, объяснив это тем, что был очень занят, так как на следующий день было много уроков. После чего дружба дала основательную трещину.

Арик никогда не говорит и не думает о других людях, даже самых близких. У него нет никаких обязанностей по отношению к людям.

У этого мальчика довольно молодые, интеллигентные и очень любящие родители. Но нет ничего страшнее слепой, нетребовательной родительской любви. Никакие войны, никакая чума не способны произвести таких опустошений, принести такого зла – как подобная любовь родителей к своему ребенку.

Им нравится дитя тетешкать, ласкать, баловать, нравится чувствовать себя добренькими по дешевке, не прилагая для этого особых душевных и интеллектуальных усилий. Правда, нравится и другое: ощущение господства, своей власти, зависимости от них этого маленького беспомощного существа.

Такие очень любящие и ласковые родители порой – если ребенок противится их воле – проявляют вдруг явный и довольно грубый деспотизм. Как! – у него, видите ли, есть СВОЯ ВОЛЯ?! СВОЕ МНЕНИЕ?! Да что ты понимаешь: от горшка два вершка? Я мать, мне видней!

Вот такие любвеобильные родители обожают сюсюкать со своими детьми, наслаждаясь своей ролью Доброй Барыни и тем, что их маленькие рабы послушны и покорны.

Как-то одна такая мама пришла ко мне на консультацию и в приемной раздевала свою дочь, довольно большую девочку лет пяти. Это, видимо, была очень энергичная, эмоциональная, сильная женщина. Как она ворковала над своей дочкой, каким лучистым взглядом смотрела на нее! И девочка сидела такая вся разнеженная, расслабленная. А я смотрел на это через приоткрытую дверь кабинета.

И вдруг – вместо умиления – я почувствовал страх. Да, да – самый настоящий страх! Мне стало страшно. Как если бы я увидел, что в моей приемной убийца набросился на маленького ребенка и душит его, а я стою и смотрю и не заступаюсь за малыша, позволяю его душить.

А знаете, с какими вопросами пришла ко мне эта мама? Во-первых, ее беспокоило, что дочь мало ест. Девочка была толстая, как каплун, явно чрезмерно раскормленная. Во-вторых, малышка упорно называла своих маму и папу по именам, отказываясь именовать их, как положено, «мамой» и «папой». Вот такие две серьезнейшие проблемы.

Любить ребенка для себя – и любить его ради самого этого ребенка – это две очень большие разницы. Вообще у нас – в русском языке, я хочу сказать, – не все в порядке с этим словом «любовь». В древнегреческом были как минимум четыре понятия: эрос, агапэ, сторгэ, филия. Сторгэ – это, скорее, верная и нежная дружба, с нашей точки зрения. Филия – вообще любое хорошее отношение к кому-то или чему-то, интерес, предпочтение. Эрос – страстная привязанность и жажда обладания, скорее эгоистическая. А у нас все – любовь. Мы перестаем понимать, о чем говорим.

Да и любить своего ребенка – не Бог весть какое достижение. А вот научиться его УВАЖАТЬ – это достижение. Видеть в нем не хорошенькую куколку, а Человека – достижение. Любовь приносит пользу, дает силы, а не расслабляет и разнеживает, только если она сочетается с уважением и разумной требовательностью.

Итак.

Если вы не хотите навредить своему малышу,

используйте в разговоре с ним те же слова и выражения, что и обычно, стараясь говорить четко и внятно, достаточно просто – но именно так, как говорите всегда: машину называйте «машиной», собаку – «собакой»;

следите за своим тоном, по мере надобности «сцеживая» из него излишки патоки, ванили и пр.; старайтесь быть естественной: конечно, мать говорит со своим малышом не так, как

с другими людьми, однако ласка и серьезное уважительное отношение к человеку на самом деле прекрасно сочетаются и нисколько не мешают друг другу;

не позволяйте другим людям, особенно таким, с которыми малыш контактирует достаточно часто, сюсюкать с ним; делайте им замечания и даже прямо запрещайте ТАК разговаривать с вашим ребенком;

вообще относитесь к малышу как к Человеку, способному иметь свое мнение, заботиться о вас, что-то делать для вас и других людей, быть самостоятельным: отсутствие «сюсюканья» – это только часть такого, уважительного, отношения к ребенку, которое, в сочетании с любовью, обязательно даст мощный импульс его личностному развитию.

Звери-воспитатели.

Многие родители колеблются: заводить ли домашнее животное? Хлопот не оберешься – а будет ли толк? Для таких раздумий есть все основания: часто никакой пользы для ребенка от того, что в квартире есть животное, нет. А иногда и вред бывает.

Что же нужно обязательно учесть, если у нас есть желание взять в дом четвероногого «нахлебника»? Для чего он нужен, и как все сделать так, чтобы и для ребенка было хорошо, и для нас необременительно?

Найдик

Однажды вечером Сережа с мамой гулял в парке. Там протекает быстрая речка, через нее ведет множество мостиков, частью еще не достроенных, состоящих только из трубчатого каркаса без деревянного настила.

К одному из таких мостиков с той стороны речки подошла семья: папа, мама, небольшой мальчик и с ними черный щенок, его вели на поводке. Папа привязал щенка к трубе, после чего вся семья перешла на другой берег по ближайшему хорошему мостику. А щеночек остался привязанный на том берегу.

Сначала Сережа не понял, что произошло. Только жалобный визг щенка и особенно сердитое лицо его мамы убедило мальчика в том, что эти люди и в самом деле бросили щенка. Сережа попросил разрешения у мамы перейти на тот берег и отпустить щенка, и мама разрешила. Он отвязал собачку, и та, перебежав на другой берег, бросилась было за хозяевами, но увидела красивую бабочку и погналась за ней. А те люди уже ушли, скрылись за поворотом.

Сережа подошел к щенку и увидел, что тот больной: брюшко и бока у него покрыты белой сыпью.

Малыш стал просить маму взять щенка домой, но мама долго не соглашалась, но потом все-таки разрешила. Но сказала очень строго:

– Только учти: я ничего делать не буду. Ты будешь его лечить, кормить, гулять с ним. Понял? А если не сможешь, придется его прогнать… Вот сейчас как ты сделаешь, чтобы он с нами пошел?

Сережа, несмотря на свои 6 лет, нес щенка на руках до самого дома. Много раз отдыхал по дороге: щенок, хотя и совсем маленький, оказался удивительно тяжелым.

Потом пришлось щенка лечить. Вместе с мамой съездили к ветеринару, тот прописал таблетки и мазь. Мазать себя Найдик – так назвали собачку – еще позволял, а вот таблеток пить не хотел ни в какую. Забивался под диван, под шкаф. Сережа его оттуда выгонял с помощью швабры. Чтобы песик проглотил таблетку, приходилось разжимать ему челюсти и пропихивать таблетку поглубже в пасть, а потом держать его морду, чтобы он не выплюнул лекарство.

Но постепенно Найдик выздоровел. Он, наверное, понимал, что Сережа его спас, потому что очень привязался к маленькому хозяину, а мальчик – к нему. Как выяснилось, Найдик – породистая собака, миттельшнауцер!

Теперь Сережа и Найдик – лучшие друзья, и всегда ходят вместе. Найдик ждет друга часами, даже если Сережа в школе, на уроках. А Сережа увлекся книгами про собак, изучил все породы и хочет, когда вырастет, стать собаководом.

Три-котаж

А вот у Виты все получилось по-другому. Вита не очень любит собак: она любит кошек. Вернее, котов. У нее в квартире одно время жили целых три кота! В разных комнатах: благо, что квартира большая.

Только один из Витыных котов – покупной. Его зовут Чурик. Такое странное прозвище объясняется тем, что Чурик очень интеллигентный и непрактичный кот. Не от мира сего. Он длинношерстный, большой, очень красивый.

Двух других котов Вита подобрала на помойке. Одного из них зовут Хосе Гомес. Это черный поджарый котище устрашающей внешности. Другой – Федор Иваныч. Федор Иваныч хоть и беспородный, но, видно, не без примеси сибирских кровей: он рыжий, толстый, тоже очень большой.

Своих котов Вита очень любила и водила их гулять на поводках. Три поводка, представляете? Кормила она их каждого отдельно, потому что коты дрались между собой. Даже высококультурный Чурик имел к этому склонность.

Пока коты жили у нее, Вита всегда была веселая и добрая. Но потом Чурик умер от какой-то болезни, причем к ветеринару его возила Витына мама. Приехала она без кота, сказала, что у него была неизлечимая болезнь, и его пришлось усыпить. Вита долго плакала, но сделать было уже ничего нельзя.

Потом двух других котов перевезли на дачу. Один – Хосе Гомес – скоро пропал, вроде бы сбежал. А другого, Федора Иваныча, загрызли бродячие собаки. Так у Виты не осталось ни одного кота.

С тех пор характер девочки стал меняться. Она сделалась раздражительной, обидчивой. Когда пошла в школу, долго не могла ужиться с одноклассниками и даже с учительницей, хотя и хорошо училась. Стала замкнутой, редко смеялась.

Наконец, мама сама предложила купить ей котенка, но Вита со злостью отказалась, сказав, что у нее уже никогда не будет ни одной кошки.

Мой любимый мыслитель, еврейский философ Мартин Бубер, как-то сказал: «Как нас воспитывают дети! Как нас воспитывают животные!» Действительно, домашнее животное может стать замечательным воспитателем для вашего ребенка. Но может и не стать. А может даже и испортить.

Огромное значение имеет то, при каких обстоятельствах собака или кошка попала к вам в дом. Если это просто очередной подарок, очередная игрушка – только не плюшевая, а теплая и живая и оттого еще более забавная – то и отношение к ней будет соответственное.

Прежде, чем брать в дом живое существо, малыша нужно тщательно психологически подготовить, объясняя ему, что это делается не для его развлечения, что животное, как и он сам, тоже живое, может испытывать боль, хочет есть, гулять – что о нем надо заботиться. Только если вам удалось это внушить ребенку, вы абсолютно уверены, что он готов САМ ухаживать за четвероногим питомцем, – тогда берите щенка или котенка.

Именно ЗАБОТА о животном воспитывает: причем, забота не от случая к случаю – когда мама заставляет – а постоянная, каждодневная, – и помнить о том, что нужно сделать и когда, должен сам малыш. Это нелегко для крохи, нужно помогать, напоминать иногда – но не брать все на себя, чтобы малыш только исполнял ваши команды, а самому ему ни о чем не приходилось думать и помнить. Если у вас получается так, то воспитания не будет – скорее, наоборот. Ребенок привыкнет к тому, что обо всем должна ЗА НЕГО думать мама и, вполне вероятно, такая установка закрепится на всю жизнь.

Детей тянет к животным, потому что они такие же, как сами малыши, эмоциональные, непосредственные, забавные, с ними интересно играть, они пушистые, тепленькие, их приятно гладить. Многие родители думают, что этого достаточно: крохе приятно, у него повышается настроение – значит, все хорошо.

Однако на самом деле происходит постепенное развращение растущего человека, которого величайший авторитет, собственная мама, убеждает в том, что все живые существа предназначены для его удовольствия и радости. Все мое, все – для меня. Захотел – поиграл, позабавился, погладил.

При этом часто дети, которых родители не приучают заботиться о животном, еще и мучают домашних питомцев, причиняют им боль, так что кошки начинают царапаться, а собаки кусаться.

Недавно в детском саду, где я часто бываю, произошел прямо-таки трагический случай: пес Граф – это восточноевропейская овчарка – укусил к плечо пятилетнего Максимку, да так, что прокусил мальчику руку до самой кости, благо что Граф – огромная зверюга, выше ростом, чем сам укушенный и в три раза больше весит.

В чем дело? Просто Максим страшно надоел собаке, заигрывал с ней, не давал ей отдохнуть, сгонял с коврика – в результате пес рассердился. Мальчика он, конечно, не боится: тот же гораздо меньше него. И вот такой результат.

Максиму пришлось накладывать на плечо швы. Графа папа побил ремнем, тот долго скулил и плакал.

А все потому, что Максим не воспринимает собаку как объект заботы, а только как забавную живую игрушку.

Само по себе животное в доме – не воспитатель. Воспитатели – всегда мы, взрослые. Животное – это только дополнительная воспитательная возможность. На самом деле очень важная, очень существенная.

Дети живут среди взрослых, то есть среди тех, кто сильнее, умнее них и не нуждается в их помощи, в их усилиях. Правда, можно и так сделать, чтобы малыш заботился о нас, взрослых. Но гораздо естественнее ему кормить не маму – а щенка, существо более слабое и зависимое, чем он сам.

Детям на самом деле очень нужны те, кто СЛАБЕЕ НИХ. Потому что человеку, чтобы человечески развиваться, нужно чувствовать себя Сильным, нужно помогать и заботиться. Много взрослых – мало детей – ситуация характерная для современного общества – в воспитательном отношении очень опасна. Она ведет к эгоизму и инфантильности, если пустить все на самотек, не предпринимать специальных воспитательных усилий, чтобы ребенок рос полноценным человеком.

Животное в доме дает нам – и нашему малышу – шанс. Шанс стать Настоящим Человеком. Но этот шанс можно и упустить.

Чтобы этого не случилось, нужно с самого первого дня, когда у вас в квартире появился новый питомец, вести себя, разговаривать с малышом так, чтобы тот понял: это ЕГО животное, и то, что именно ЕГО – это означает, что заботиться о нем, кормить, лечить и пр. – это именно ЕГО ДЕЛО. Да, мама помогает, объясняет. Но именно ОНА ЕМУ помогает – а не он ей.

При этом усилия ребенка должны вознаграждаться уважением взрослых, повышением статуса малыша в семье. Он уже большой, он уже сам заботится о щенке! Так к нему стоит относиться, если все идет, как надо, и кроха проникся своей ответственностью и по-настоящему привязался к собаке или кошке.

Еще животное может помочь развить наблюдательность. Говорить оно не умеет: надо догадываться о том, что ему нужно, по внешнему виду, по так называемым «выразительным движениям»: мимике, положению хвоста и пр. Это развивает, но опять-таки только в том случае, если малыш понимает КАК СВОЮ ЗАДАЧУ то, хорошо ли собаке, сыта ли она,

довольна ли. Если чувствует себя Настоящим Хозяином, то есть тем, кто обязан заботиться и отвечает за результат.

Дополнительная воспитательная возможность – это поначалу и дополнительный труд. Наш, взрослый, труд. Но если все пойдет хорошо, малыш почувствует вкус в том, чтобы что-то делать для другого живого существа, то очень скоро мы поймем, как много приобрели. И как нам помог наш четвероногий друг: помог сделать своего ребенка лучше, добрее, человечнее.

Животные и в самом деле – прекрасные воспитатели. Мы можем воспользоваться их услугами. Но можем и игнорировать их. А можем использовать так, что ребенок станет даже хуже, чем был.

Все зависит от нас самих. Хорошие люди не растут, как бурьян в поле, сами по себе. Но и особой хитрости в том, чтобы воспитать хорошего человека, тоже нет. Надо вовремя начать и не совершать грубых ошибок.

Животные нам помогают. Они добрые. Но они не могут сделать нашу работу за нас.

Летовоспитание

Лерочке недавно исполнилось 5 лет. В качестве подарка дедушка с бабушкой (оба работающие и очень неплохо зарабатывающие) взяли любимую внучку с собой на… Сицилию! Ей-богу, не шучу: именно на этот остров Лерочка и ездила. Загорела она там просто феноменально. Даже я был поражен, когда увидел ее после приезда: мулатка чистой воды, да и только.

Конечно, меня интересовали Лерочкины сицилийские впечатления. И тут я был снова поражен – и даже еще сильнее: оказалось, что больше всего Лерочке запомнилось… что она там кушала! Про салат из ананасов с добавлением еще каких-то неведомых ингредиентов (девочка так перековеркала их названия, что я не понял, о чем идет речь) она рассказывала битых 10 минут. Это повествование настолько утомило путешественницу, что, завершив его, минуты две она молча отдыхала. Потом начала новую историю: про то, какое мясо и какую рыбу она ела на Сицилии.

Я был потрясен, уничтожен, убит. Лерочке очень понравился произведенный ее увлекательным рассказом эффект. Однако когда я в какой-то мере пришел в себя и спросил у нее, с какими людьми она там познакомилась, вообще – как ей понравились сицилийцы, – она ничего не смогла ответить, кроме: «Ничего, понравились чучуть». А чем понравились? Неизвестно. В какие игры ты там играла? В песочек. Купалась? Да, утром и вечером. Что, всего два раза в день?! Ну, иногда больше. Плавать научилась? Нет, бабушка разрешала купаться только «у бережка».

После таких расспросов Лера приуныла и как будто задумалась. Интересно, о чем? Может быть, она пыталась вспомнить еще какое-нибудь сицилийское лакомство, чтобы снова поразить мое воображение и все-таки доказать мне и себе, что ее «летний отдых» был удачным?

Саша (и ей 5 лет) тоже ездила на юг, но не с дедушкой и бабушкой, а с родителями, и не в Италию, а в Крым, точнее – в Анапу. Что она там ела (кроме фруктов), Саша не помнит. Ничего такого особенного: примерно то же, что и дома. Несчастный ребенок!

Правда, Саша помнит, как они с папой и мамой ходили в горы. Там они поднялись на большую-большую (если судить по Сашиному тону, то повыше Эльбруса) гору, и там было видимо-невидимо цветущих маков. «Мне ну прямо так жалко стало!» – сказала Саша. То есть – ей жалко было по ним ходить, наступать на цветы: а иначе там никак не пройдешь. Цветов было столько – прямо до самого неба. Саша в гору лезла сама, папа впереди, а мама позади. По дороге они несколько раз отдыхали.

Потом, когда я спросил у Сашиной мамы, что за гора такая, она, смеясь, объяснила, что это холм: метров двести в высоту. Но там крутой склон, и они именно по этому крутому склону и взобрались: специально, чтобы доставить дочке удовольствие.

Саша там набрала несколько букетов маков и, когда пришла домой, всем подарила. А кому это – всем? А это люди, у которых они жили: дедушка Серго, и его жена, бабушка Такуш, и их дочка Роза, и их внук – тоже Серго. Этому Серго 10 лет, но все равно Саша с ним играла, и Серго даже ее защищал, если Сашу кто-нибудь хотел обидеть. Серго сказал, что так полагается: раз она живет у них в доме, то он должен ее защищать. Правда, на Сашу никто за все время не напал, кроме бродячей собаки: она пробегала мимо, а Саша и Серго в это время во дворе играли в камешки и один камешек упал и покатился в сторону собаки, а она зарычала. Серго закричал на собаку и хотел бросить в нее камешком, но собака успела убежать. Саше очень понравилось, как Серго спас ее от собаки, хоть Саша собак и не боится.

Камешки, в которые они играли, Саша собирала на море. Там их видимо-невидимо, но Саша искала самые-самые красивые, переливчатые, необычного цвета. Мама ей иногда

помогала. А потом они с мамой вместе рассматривали камешки и пытались определить, какого они цвета. Поскольку Саша сама все эти камешки нашла, затратив немало сил и времени, ей было очень интересно это узнать. Оказалось, там были и кремовые, и песочного цвета, и золотистые, и кирпичные – и Бог знает какие еще. Саша по многу раз вынимала камни из коробки, где их хранила, и спрашивала маму: «А это какой? А это?»

Некоторым камням Саша с мамой даже придумали имена: Клякса (фиолетовый камень), Шпунтя (что это значит, неизвестно: словечко придумала сама Саша – по ее мнению, это что-то круглое), Рыб (Рыба – неправильно: камень ведь мужского рода).

У Саши составилась целая коллекция камней, килограммов на 6—7, так что их, к сожалению, пришлось оставить: взять с собой мама разрешила только несколько самых маленьких. Из-за этого Саша даже плакала: так ей жалко было расставаться со своими камнями.

Плавать Саша училась, но научилась не совсем. То есть она могла плыть со спасательным кругом. А еще – лежать на воде. Минуту почти могла полежать. Правда, папа ее чуть-чуть держал снизу. Еще Саша научилась нырять. Папа бросал в воду маленькую бутылочку с песком, а Саша должна была ее достать руками. Сделать это можно было, только нырнув в воду. Сначала Саша боялась, но потом как-то научилась не глотать воду и уже не боялась.

Еще Саша научилась нырять рыбкой и проплывать у папы между ногами: он их специально широко расставлял. Этой штуке Сашу научил ее приятель Серго. Он вообще может проплыть под водой «вот как эта комната» (так сказала Саша). А она пока не может. Но потом обязательно научится.

Еще они с папой и с Серго плавали наперегонки: от буйка до буйка. Саша – со спасательным кругом, а Серго и папа без. Побеждал всегда Серго, но Саша несколько раз перегнала папу. Это было очень приятно, а проигрывать не так уж обидно: ведь папа – взрослый и вообще самый сильный человек на свете, а Серго уже целых 10 лет. Когда ей будет 10 лет, она его легко «переплывет».

Еще они играли в крокодила, и в штандер, и в разные другие игры.

Крокодил – это чаще всего папа. Крокодил должен нападать на свои жертвы (маму, Сашу, Серго, а иногда и других детей, случайно оказавшихся поблизости и жаждущих принять участие в игре), хватать их за руки – за ноги, утаскивать на глубину и топить. А жертвы пытаются удрать и одновременно… утопить крокодила! Хотя и совершенно непонятно, как же это можно крокодила! – утопить?! Крокодил большой, зато его добыча многочисленна и пронырлива, поэтому борьба проходит с переменным успехом.

Штандер – это тоже просто. Берется маленький резиновый мячик. Все залезают в воду. Водящий бросает мячик вверх над головой, а все в это время отплывают подальше от него. Как только водящий поймал мяч, надо остановиться и стать прямо. Теперь он бросает мячик в того, кто ближе всего к нему: если попадет – тот станет водящим. Но можно увернуться или нырнуть. Тогда все начинается сначала.

Правда, в середине дня купаться нельзя, хоть мама и натирает Сашу по нескольку раз в день «огурцовым» кремом (так его называет Саша), но говорит, что днем сильное солнце и Саша может сгореть. Саша не может понять, как это она может «сгореть»: ни разу еще ни один человек у нее на глазах не загорелся от солнца – хотя, может, это потому, что мама не разрешает загорать именно тогда, когда люди сгорают? Но Саша так устает от «отдыха» (то есть игр в крокодила и штандер, плаванья наперегонки с папой и пр.), что днем чаще всего спит или просто отдыхает: перебирает свои камни и раскладывает их в коробке.

Вечером они с мамой иногда ходят на рынок и покупают самые разные овощи и фрукты, каких дома Саша никогда не ела: виноград «Дамский пальчик» и «Изабеллу», хурму и многое другое. На рынке много странных людей, некоторые даже почти не говорят по-русски. Саше очень понравился один человек с таким большим носом, что Саша за него беспокоилась: не оторвется ли его огромный нос и не упадет ли на землю, а если это все-таки случится, то

как бы не пропустить и увидеть: это же страшно интересно. Но нос так и остался на своем месте, чем Саша была очень огорчена. Этот человек продавал какую-то зеленую травку, и Саша очень удивлялась, зачем он ее продает: травы же вокруг полно. Но мама сказала, что такую травку едят люди и она называется «киндза». Но Саше есть ее не разрешила.

Саша с таким интересом рассматривала людей на рынке и все, что там продают, что даже не хотела оттуда уходить. А главное: вдруг уйдешь – а как раз в это время нос у того продавца как раз и отвалится. Но, как я уже сказал, нос, к сожалению, не отвалился. Видимо, несмотря на свой большой вес, он держался крепко.

Еще Саша познакомилась с осликом и с человеком на деревянной ноге. Однажды Саша вечером перед сном вышла во двор и увидела, как к их дому, с той стороны, где он двухэтажный, подъехал человек на ослике. У человека была деревянная нога и в руке палка. Он ехал на ослике и одной рукой пристукивал палкой по земле. Потом человек сошел с ослика, привязал его к забору и куда-то пошел, а Саша подошла познакомиться с осликом. Она его чуть-чуть погладила по боку, но ослик отвернулся, и Саша ушла.

Да, я забыл сказать, что дом, где жила Саша в Анапе, с одной стороны (со стороны улицы) двухэтажный, а с другой (со двора) одноэтажный. Вы спросите: как так? Очень просто: дом стоит на склоне горы. Довольно крутом склоне. Вот и получилось с одной стороны два этажа, а с другой – только один. Раньше Саше не приходилось видеть таких удивительных домов.

Кроме того, Саша на пляже научилась строить замки из песка, обрызгивая песок водой. Воду она набирала в ту же бутылку, которую папа наполнял песком и бросал в воду, чтобы Саша ее достала. Сначала у нее ничего не получалось, но мама ей помогла, и первый замок они построили вместе. А потом Саша научилась сама, даже лучше мамы. И очень этим гордилась. В последний день она воздвигла такой песочный дворец, что дети прибегали на него посмотреть с другого конца пляжа. Это был успех, настоящий большой успех!

В общем, хотя у Саши такая плохая память, что она даже не помнит, что ела в Анапе на обед, в целом, вспомнить ей есть что. Впечатлений она набралась, многому научилась, подружилась с Серго-младшим, Серго-старшим (который, пока Саша жила у них, сшил ей красивые туфельки из обрезков кожи и отказался взять за них деньги: ведь дед Серго – сапожник) и бабушкой Такуш, собрала коллекцию камней и запомнила множество названий разных цветов. А также загорела (хоть и не так чудовищно, как Лера), стала сильней и уверенней в себе.

На следующее лето Саша с родителями снова собираются в Анапу. Ее там ждут друзья, море, солнце – и собственная коллекция камней.

Летний отдых. Так обычно мы называем свое времяпрепровождение во время отпуска. Для нас, взрослых, это естественно: весь год мы работаем – а летом отдыхаем. То есть по возможности ничего не делаем, для чего уезжаем подальше от дома, забот, родственников и сослуживцев и предаемся сладостной праздности: валяемся на песочке, загораем и пр., и т. п.

И наши дети, если мы их взяли с собой на юг, должны вести тот же образ жизни. Однако для ребенка поездка на море – вовсе не «отдых». От чего бы ему отдыхать? Никаких трудовых подвигов он пока не совершил. Для крохи это увлекательное приключение: он ждет, что там, на этом необыкновенном юге, ему будет страшно интересно. Его активность, его жажда деятельности «на отдыхе» только растут. Ему хочется как можно больше увидеть, узнать, испытать.

Но нередко бывает, что уже на третий-четвертый день малыш начинает томиться и спрашивать, а скоро ли домой. Оказывается, делать на этом юге совершенно нечего: только есть, спать, загорать. Вокруг все чужое, непонятное: мама и папа ни на шаг не отпускают от себя. Конечно, солнце и море – это чудесно, но дается и то, и другое дозированно, а чем заняться в остальное время?

Но стоит посмотреть на «летний отдых» глазами ребенка, и все станет по-другому. И, может быть, тогда будет интересней и нам, и мы запомним эту вроде бы обычную отпускную поездку на всю жизнь как прекрасное время, полное интересных дел, обогатившее нас новыми впечатлениями и переживаниями.

В этом нам могут помочь наши дети. Отдыхать вместе с ребенком – это очень здорово. Это действительно может стать увлекательным приключением. Только нужно сделать маленькое усилие и самим стать немножко детьми. Тогда с нашим малышом точно не случится того, что случилось с бедной девочкой Лерой.

Летний отдых – это тоже жизнь. Ребенок хочет и может жить в это время насыщенной, интересной жизнью. Которая ему многое может дать, в том числе – и для его развития.

А иначе зачем брать его с собой? Для «отдыха»? Пусть сначала устанет хорошенько!

Наблюдая за детьми

Маленький ребенок – существо почти бессловесное. Мы должны сами догадываться о том, что он чувствует, что ему нужно. Но это хорошо. Потому что дает нам возможность научиться активному наблюдению. А это и полезный, и увлекательный навык.

В детском саду, где я работаю, принято в сентябре ходить с детьми старшей и подготовительной группы в поход. Чтобы не пугать читателей, сразу скажу: собственно, наш садик стоит почти в лесу. Идти недалеко. И места у нас подходящие: вокруг садика лес очищен от бурелома, в сентябре полным-полно ягод, а иногда и грибов. Как правило, в это время у нас и погода хорошая.

И вот пошли мы в поход. С нами несколько мам, один дедушка, воспитатели, конечно. И почти 40 детей.

Сначала мы вышли за ворота и пошли по тропинке. Одна махонькая девонька, светленькая, похожая на гномика, брела почему-то отдельно от всех, время от времени заходя в лес и скрываясь за деревьями (а мы все шли по тропинке). Спрашиваю у воспитательницы, почему она так ходит. Она отвечает, улыбаясь: «Это Саша-то? Ее прозвище – Гуляша. Вот такая она у нас». «Это потому, что она гулять любит?» «Да, она всегда сама по себе».

Саша, действительно, оказалась индивидуалисткой: все делает одна, отдельно от всех – никогда не присоединяется к другим детям. А остальные, наоборот, – все делают кучей. Как воробьишки в стае: один заметит сыроежку, бросится к ней – и все сразу за ним, чуть ли не давя друг друга.

Потом мы наткнулись на змею. Прямо на тропинке. Девочки, конечно, визжат. А один мальчик, серьезный такой, загорелый, взял палку с раздвоенным концом, поддел змею и выбросил ее далеко в лес. Отряхнул руки, махнул всем и говорит: «Ну, чё стали? Идёмте!» Мальчика этого зовут Юра, кличка – Обносик (у него фамилия – Обносов). Положительная личность! Быстрее взрослых сообразил, что делать!

А вот – девочка Женя. Она в подготовительной группе, ей уже 6 лет. Женя выделяется своими габаритами: она очень большая и, видимо, сильная девочка. Лицо обычное детское, но отношения с другими детьми у нее своеобразные: она с ними держит себя, почти как взрослая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.